

**Елена
Паленова**

Тёмный путь

16+

Сверхъестественное

Елена Паленова

Тёмный путь

«Автор»

2021

Паленова Е.

Тёмный путь / Е. Паленова — «Автор»,
2021 — (Сверхъестественное)

Неожиданный и нежеланный дар видеть путь, проделанный человеком в последний день его жизни - то ещё наказание. Кира Лукашина не хотела эту способность, не была к ней готова, но её мнения никто не спрашивал. И чем дальше она шла по пути мёртвых, тем сильнее запутывался её собственный жизненный путь. Чья добрая или злая воля заключила за неё эту сделку с потусторонними силами? Зачем? Какая награда ждёт Киру, когда навязанные ей обязательства будут выполнены? Для того, чтобы узнать это, девушке придётся пройти все испытания живых и мёртвых до конца.

© Паленова Е., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Елена Паленова

Тёмный путь

Глава 1

– Лукашина Кира Юрьевна!

– Это я.

– Пойдёмте со мной, доктор Рябинин ждёт вас.

– Нет уж, спасибо, – нахмурилась Кира, вставая с мягкого кресла в просторном фойе частной клиники. – Вы бы ещё на площадь вышли и в мегафон объявили, что я пришла на приём к психиатру. Такая у вас тут анонимность, да? Книгу отзывов дайте, пожалуйста.

Она нетерпеливо постучала пальцами по стойке администратора, дожидаясь упомянутой книги, а заполучив её, написала короткую жалобу и ушла, не удостоив покрасневшую до корней волос медсестру даже взглядом.

Провинившаяся девушка была совсем молоденькой и наверняка только недавно получила эту работу, но Кира не собиралась её жалеть. Даже если бы пациентка дожидалась приёма в полном одиночестве, это не извиняло бы нарушения одного из главных правил клиники, а в фойе в этот момент находились и другие люди, которым совершенно необязательно было знать, к кому на приём пришла госпожа Лукашина. Глупая девчонка даже прощения за свой промах попросить не сообразила. Это, конечно, ничего не изменило бы, но всё же...

Полыхая гневом, Кира уже дошла до парка и подыскивала свободную лавочку где-нибудь в укромном уголке, чтобы сесть и заставить себя успокоиться, когда из сумочки послышалась мелодия входящего вызова. Звонил, конечно же, доктор Рябинин собственной персоной.

– Да? – раздражённо рявкнула девушка в телефон.

– Кир, ну ты даёшь...

– Ты повосхищаться звонишь?

– Перестань психовать и вернись.

– А на лбу фломастером перед этим не написать, что я чокнутая?

Собеседник помолчал несколько секунд, а потом без тени насмешки в голосе спросил:

– Ты где сейчас?

– В парке.

– А конкретнее?

– Тебе зачем?

– Я сейчас приду, и мы поговорим в приватной, неофициальной обстановке.

– Не надо, Коль, я передумала. Спасибо.

Она отключила телефон раньше, чем двоюродный брат успел открыть рот, чтобы настоять на встрече. Решение обратиться за консультацией, пусть даже и к родственнику, и так далось ей с трудом, а после случившегося уже вообще ничего не хотелось. Разве что сквозь землю провалиться.

Старушки, греющиеся в лучах ласкового майского солнышка, умудрились занять все лавочки вокруг небольшого пруда, в котором плавали утки. Кира надеялась, что хотя бы здесь будет поменьше народа, будний день же, но разочарование, кажется, решило остаться с ней надолго. Мысль прислониться плечом к дереву и немного постоять, наблюдая за птицами, тоже была отвергнута из-за муравьёв, бодро снующих по стволу вверх-вниз. Другое дерево поискать? Без насекомых?

– Пф-ф-ф...

– И не пыхти, – раздался над головой знакомый голос.

– Коль, я же сказала, что передумала, – устало отозвалась девушка, даже не повернувшись. – Уйди.

– Кир, что у тебя случилось?

– Ничего.

– Кира...

– Я уже двадцать четыре года Кира.

– Я в курсе. Извини, что так вышло в клинике.

– Зачем ты вообще меня туда заманил? – она наконец-то решила посмотреть в виноватые глаза родственника. – Мы в кафе где-нибудь могли встретиться или здесь, как сейчас. Тебе пациентов не хватает что ли? Подзаработать на мне решил?

– Ну или ты могла приехать в любой из вечеров к нам домой, – предложил ещё один вариант Николай. – Кир, нельзя убегать и прятаться вечно. Ты сама себя лишаешь...

– Чего? Презрения твоей матери?

Это была болезненная тема, которой она старалась не касаться. Коля постоянно убеждал её, что дети не несут ответственности за поступки своих родителей, но услышанное много лет назад из уст тёти Оли мудрое изречение о яблочке, которое от яблоньки недалеко падает, заставляло девушку избегать близкого контакта с единственной оставшейся у неё родней.

Ей было одиннадцать, когда напившийся до зелёных чертей отец устроил пожар, в котором погибли он сам, его жена, пятилетний сын и старший брат, отец Коли. Мама тогда позвонила Петру Сергеевичу, потому что слетевший с катушек супруг забаррикадировался в кухне. Она думала, что родной брат – это лучше, чем санитары со смиренной рубашкой... Дядя Петя выбросил задохнувшуюся в дыму племянницу в окно за мгновение до того, как крыша дома рухнула, похоронив под собой не только людей, но и надежды девочки на счастливое будущее.

Ольга Вадимовна отказалась тогда от опеки над Кирой, потому что не захотела изливаться на ребёнка то, что должно было достаться виновнику произошедшего – обиду, боль, злость, ненависть... Органы опеки тоже сочли подобный вариант кощунством, поэтому следующие семь лет девочка прожила в детском доме.

Коле тогда было пятнадцать. Он иногда навещал двоюродную сестричку и говорил, что мама ни в чём её не винит, но тётя Оля так ни разу и не пришла. Даже подарки ко Дню Рождения Коля покупал для Киры из своих карманных денег. Теперь ему двадцать восемь. Подающий большие надежды молодой доктор. Один из лучших специалистов в городе, несмотря на возраст. Мог бы даже в Москву уехать, звали, но Ольга Вадимовна не захотела покидать родной городок, и он остался с ней. А Кира так и жила одна, чувствуя себя виноватой за то, что не погибла тринадцать лет назад.

– Коль, это точно не передаётся по наследству? – почти прошептала девушка, прекрасно понимая, что брат прав. Нельзя вечно убегать от неприятных разговоров.

– Что именно? – усмехнулся он. – Семейное упрямство?

– Я серьёзно. Папина болезнь могла мне передаться?

– Кир, ты извини за прямоту, но дядя Юра был запойным алкоголиком. То, что с ним случилось – это последствия злоупотребления. Тебе лекцию прочесть о вреде алкоголя или ты понимаешь, о чём я говорю?

– Я не пью, Коль. Совсем.

– Вот и умничка. Значит, белая горячка тебе не грозит.

– Коль, у меня галлюцинации, – Кира подняла на него глаза и почувствовала, как Николай напрягся. – Точно такие же, как у папы были.

– Ты просто накрутила себя своими страхами...

– Нет, страхи тут ни при чём. Я вижу то же самое, что видел он.

– Хм... – Николай задумчиво нахмурился и потёр ладонью бритый затылок. – Насколько я помню, он видел призраков.

– Не призраков, а мертвецов. Он всё время твердил, что нельзя ходить по тёмному пути, потому что в конце всегда ждут мертвецы. Раньше я представляла себе, что он видит какой-то тоннель с зомби, как в ужастиках, но теперь понимаю, о чём отец говорил. Я видела этот тёмный путь, Коль. И я прошла по нему, хотя была предупреждена, что делать этого нельзя.

– И что? – Николай скептически приподнял бровь.

– Ничего, – пожала плечами Кира. – Если не считать того, что я пришла на похороны человека, с которым даже не знакома. На кладбище. Гроб закопали, и тёмный путь исчез, как будто его не было никогда. А сегодня в конце такого же пути я нашла труп.

– Ого...

– Ага. Младенец новорожденный в мусорном баке лежал. Я полицию вызвала... Коль, почему это со мной происходит? Я ненормальная, да? Как папа?

– Эм-м-м... Ты сейчас хочешь услышать моё мнение, как специалиста?

– И как брата тоже, – вздохнула Кира, заглядывая в его глаза в поисках надежды. – Если это болезнь, то её ведь можно вылечить, да?

Николай выглядел растерянным. Кира в детстве пережила страшную утрату, у неё была тяжёлая депрессия, которая не могла обойтись без последствий, но услышанное не подходило ни под один известный ему диагноз. Ну ладно первый раз – то, что галлюцинации привели её на кладбище, ещё можно объяснить. Но случай с младенцем...

– А что конкретно ты видишь, солнце? – осторожно поинтересовался мужчина. – Как выглядит этот тёмный путь?

– Как дым, наверное. Или как чёрный пар. Густая полоса в руку толщиной, которая тянется где-то в метре над землёй. Я и другие такие видела, но ходила только по двум.

– И давно ты это видишь?

– Недели две или около того. Всё плохо, да?

Отчаяние, надежда, страх... В её голосе и взгляде было всё это сразу, но даже все вместе эти эмоции были настолько же далеки от безумия, насколько Николай был далёк от понимания происходящего.

– Кирюш, у меня не столь богатый опыт, чтобы вот так сразу выдать тебе диагноз...

– Так это всё-таки диагноз? – сникла Кира.

– Слушай, ну что ты пессимистка-то такая? – попытался исправить ситуацию Николай. – Может и не диагноз. Может, это дар какой-то особенный.

– Трупы находить? – криво усмехнулась девушка. – Обалденный дар. Меня сейчас просто разорвёт от счастья. Не надо меня успокаивать, Коль. Наверное, у нас в роду всё-таки были какие-то проблемы по этой части, раз и папа, и я... Если не белая горячка, то что-нибудь другое наверняка. Наследственных-то прибабахов много, тебе ли не знать?

Николай вздохнул, потому что возразить на это было нечего. Наследственность – сложная штука. Никогда не знаешь, получишь ты какой-нибудь неприятный подарочек от своих предков или нет. Он и сам неоднократно задумывался о том, что теперь тревожило Киру. Даже исследование проводил – тайно и безрезультатно. Никто из их семьи в обозримом прошлом на учёте с психическими заболеваниями не стоял, но есть же ещё такое прошлое и такие сведения, до которых дотянуться нельзя.

– Пойдём, я тебя провожу, а то пациенты заждались уже, – Кира взяла его под руку. – Коль, если надо обследоваться или на лечение сразу, то я готова хоть прямо сейчас, только скажи.

– Мне нужно подумать.

– Хорошо. Ты подумай и позвони мне, ладно? А я пока дома посижу и никуда ходить не буду, чтобы... Ну вот. Опять.

– Что опять? – не понял Николай.

– Тёмный путь. Прямо перед нами.

Она остановилась посреди узкой дорожки, которая упиралась в более широкую аллею с лавочками. Тёмная полоса медленно колыхалась в воздухе в шаге от них, и Кире почему-то захотелось доказать двоюродному брату, что она говорит правду. В такое ведь сложно поверить. Если она больна, Коля её вылечит, а если нет... Ей в любом случае больше не к кому обратиться за помощью и советом.

– Где? – нахмурился Николай.

– Вот, – она шагнула вперёд и опустила руку в тёмный поток, чтобы почувствовать его направление. – Это как ручей. Он прохладный и движется... вон туда. Пойдём.

– Кира, здесь ничего нет.

– Ты просто не видишь. Пойдём, я покажу тебе, что будет в конце.

– Кира...

– Ты боишься что ли?

Николай внимательно посмотрел на сестру, которая в этот момент казалась очень даже безумной. В том месте в воздухе, где она шевелила пальцами, будто бы действительно плескалась в ручье, ничего не было. Совсем ничего.

– Ладно, идём, – согласился мужчина, посмотрев на часы. – У меня ещё есть минут десять.

– Когда я шла сюда, этого не было, так что труп, судя по всему, будет свежий, – обрадовалась Кира, нервно улыбувшись.

Они дошли по аллее почти до конца парка, потом свернули направо на узкий тротуар, вышли на оживлённую улицу и направились вдоль домов туда, куда девушку вела одной ей видимая путеводная нить. На перекрёстке налево и прямо до следующего светофора. Направо через арки двора к параллельной улице...

– Ну вот. Я же сказала, что свежий, – Кира посмотрела на брата с таким отчаянием в глазах, что ему стало её искренне жаль. А ещё ему стало жутко.

Они вышли как раз к месту происшествия. На дороге лежало чьё-то тело, накрытое чёрным полиэтиленом, из-под которого была видна только окровавленная рука с двумя сломанными пальцами. Вокруг уже собралась толпа зевак, рядом с погибшим сустились специалисты, а у обочины стояли, подмигивая красно-синими маячками, машина ДПС и реанимобиль.

«Совсем молодой парень...»

«По переходам ходить надо, а не под колёса прыгать. Надеются на авось...»

«Вот горе-то родителям...»

«А сбил-то кто? Поймали?»

«Да пьяный наверняка. Гоняют, как сумасшедшие...»

«Граждане, расходитесь!»

– Кира, пойдём отсюда, – теперь Николай взял сестру под руку и почувствовал, что её сотрясает крупная дрожь. – Тебе не надо смотреть на это.

– Коля, это лечится? – в её глазах стояли слёзы. – Я не хочу вот так всю жизнь ходить по улицам и видеть всё это. Не хочу на каждом шагу осознавать, что вокруг меня умирают люди. Не хочу. Помоги мне, пожалуйста.

Последнюю фразу она прошептала, давась рыданиями, и он не придумал ничего лучше, чем притянуть её к себе и крепко обнять.

– Я помогу, Кирюш. Понятия не имею, что с тобой, но мы разберёмся. Это не болезнь, солнце. Таких болезней не бывает. Это что-то другое. Давай-ка ты сейчас поедешь ко мне, а вечером...

– Нет, – Кира отстранилась от него, шмыгнула носом и устало опустила плечи. – Я домой поеду. Если хочешь, приезжай ты ко мне, а к тебе я... Извини, Коля, но я не могу.

Он проводил её до автобусной остановки и вернулся на работу, по дороге размышляя о том, не могла ли Кира видеть эту аварию, когда ехала к нему в клинику. Вполне могла, потому что до приезда «скорой» и полиции наверняка прошло какое-то время. Тогда получалось, что сестра лжёт, но зачем ей это? Или не лжёт, а в самом деле больна, вот и наслоила одно на другое. Невроз, как минимум, а дальше... Дальше надо смотреть, обследовать, ставить точный диагноз и лечить, пока она не довела себя до чего-нибудь похуже истерик и галлюцинаций.

Кира тоже думала, но совершенно о другом. Она смотрела через окно автобуса на проплывающие мимо улицы и убеждала себя поверить, что Николай ей поможет. Но чем он может помочь, если это не болезнь? Он доктор, а она здорова. Он сам сказал, что это что-то другое. Что-то... Наверное, ей не доктор нужен, а экстрасенс, который поможет избавиться от этого ненужного и страшного, непонятно откуда взявшегося дара. Человек, у которого найдётся объяснение.

А ещё она думала о том, что в деревне люди умирают реже, потому что их там меньше. В городе всего много – людей, машин, способов и причин умереть, оставив за собой призрачный след тёмного пути. Даже два мертвеца за один день – многовато для её хрупкой нервной системы, а их же гораздо больше. Пока ехала до своей остановки, видела ещё два чьих-то последних пути. Так ведь и правда спятить недолго.

Кира дала себе слово, что дожждётся звонка Николая, и если он скажет, что не может ей помочь, то она уедет. В деревню, в лес, в какую-нибудь глушь – куда угодно, где сможет спокойно передвигаться и жить, не опасаясь наткнуться на свидетельство ещё чьей-то смерти.

Глава 2

– Кира, расскажите, пожалуйста, ещё раз о том дне, когда впервые увидели то, что вы называете тёмным путём. С самого утра. Вы проснулись в своей квартире...

– Опять? Я уже рассказывала это раз десять. Вы пытаетесь найти несоответствия в моих воспоминаниях что ли?

– Мы будем возвращаться к этому до тех пор, пока не поймём, что послужило причиной для начала ваших видений. Сначала с отправной точки, а потом начнём постепенно отступать назад во времени, нащупывая что-нибудь существенное, что могло вызвать эту проблему.

– Нет уж, хватит с меня!

Кира встала, сняла с вешалки у двери свою сумочку и вышла из кабинета, тут же наткнувшись на Николая, который последние два часа сидел в соседней комнате и наблюдал за происходящим через видеокамеры, передающие сигнал на мониторы и записывающее оборудование. Он видел, что сестра устала и вот-вот сорвётся, поэтому вышел в коридор сразу же, как только понял, что лимит её самообладания исчерпан.

– Я так больше не могу, – сообщила ему Кира. – Мы уже неделю говорим об одном и том же. Не знаю, что это за терапия такая...

– Это не терапия, – сообщил Николай. – И Олег не врач. Он экстрасенс, Кир.

– Чего? – вытаращилась на него девушка. – Ты издеваешься? Это шутка такая? Не смешно, Коль! Я, может, и чокнутая в какой-то мере, но не надо делать из меня полную дуру.

– Я вполне серьёзен, Кир. Не говорил тебе раньше, потому что не знал, как ты к этому отнесёшься. Я тут посоветовался... В общем, мой бывший наставник, профессор Волосов, убедил меня, что тебе не психиатр нужен, а именно такая помощь. Это он настоял на этих сеансах и оплатил проезд Олега из Москвы.

– Очень круто! Теперь я подопытный кролик для столичного шарлатана. Класс!

– Почему ты злишься? – Николай сердито сдвинул брови, намереваясь напомнить сестричке, что она сама просила избавить её от ненужной странности.

– Потому что мне надоело переливать из пустого в порожнее, Коль. Это был последний мой визит сюда, извини. Спасибо за беспокойство, но если это не шизофрения, то я в твоей помощи больше не нуждаюсь. Извини ещё раз, что втянула тебя в это. Всё, чао, дорогой!

Она поднялась на цыпочки, чмокнула родственника в щёку и собиралась уйти, но Николай придержал её за локоть.

– Кира, я для тебя это делаю, а не развлечения ради. Мне через собственные убеждения переступить пришлось, чтобы согласиться на такое.

– Ну вот и радуйся, что больше ни через что переступать не нужно, – отозвалась девушка, выдёргивая руку из его пальцев. – Я не твой пациент, и это уже для меня очень много значит. Отправляй своего шамана обратно в Москву, он мне не нужен.

Она ушла, стуча каблучками по кафельной плитке пола, и Николай не стал больше её удерживать. Зачем, если она не хочет этой помощи? Какой смысл заставлять её, заранее зная, что внутренний протест сведёт все усилия к нулевому результату?

– Я сразу говорил тебе, что это плохая затея, – сообщил Олег бывшему однокашнику, когда тот зашёл в кабинет, чтобы сообщить, что Кира отказалась продолжать сеансы. – Эта клиника, эти камеры, постоянное ощущение, что ты псих... Можно месяцами говорить об одном и том же, но мы бы всё равно не сдвинулись с мёртвой точки, потому что она захлопнулась в своей ракушке и боится высунуть оттуда нос. В неформальной обстановке я бы уже куда большего добился.

– Она не хочет продолжать.

– Я всё слышал, можешь не пересказывать. Не надо было изначально загонять меня и её в рамки твоего понимания того, как эти встречи должны происходить. Так и ей некомфортно, и мне тяжело работать, зная, что ты следишь за каждым моим словом и движением. Я не съем её, Ник.

– Закажу тебе билеты на вечерний рейс, – вздохнул Николай.

– Я вообще-то никуда не собираюсь, – усмехнулся Олег. – Это уникальный случай, и я не собираюсь отказываться от удовольствия поработать с твоей сестрой только потому, что она нервная злючка. Просто не лезь больше в этот монастырь со своим уставом, ладно?

– Не думаю, что она согласится встречаться с тобой в неформальной, как ты выражаешься, обстановке.

– Тебе вообще не надо об этом думать. Про заповедь «не навреди» я прекрасно помню, и гарантирую, что хуже ей не станет. И отчитываться каждый день перед тобой о результатах наших с ней встреч я не буду, ты уж прости. Кира правильно сказала – она не твоя пациентка. Ты делай свою работу, а я буду делать свою. Или моя помощь уже не нужна?

– Нужна, – с мрачным видом кивнул Николай, недовольный тем, что его лишают возможности участвовать в процессе исцеления сестры от её непонятного недуга.

– Ну вот и замечательно, – улыбнулся Олег и хлопнул товарища по плечу.

Они учились вместе, но Николай выбрал эту профессию, чтобы помогать таким людям, как его покойный дядюшка, а Олега интересовала исключительно научная составляющая учебного процесса. Он изначально не собирался становиться практикующим врачом, просто хотел получить знания, которые позволяли бы ему точно определять разницу между случаями, требующими медицинского вмешательства, и такими, к которым медицина не имеет никакого отношения.

Любимый студент профессора Волосова, Олег мало кому рассказывал о своих врождённых способностях. Николай, например, хоть и жил с ним в одной комнате в общежитии, но первые три года даже не подозревал, что сосед знает о нём больше, чем он сам. А когда узнал, счёл это псевдонаучным бредом и съехал на квартиру, чтобы пореже контактировать с человеком, к которому с тех пор испытывал подсознательное чувство неприязни.

Если честно, то Николай понятия не имел, сколь далеко простираются возможности Олега. Он считал себя убеждённым реалистом, поэтому и в проблемах Киры искал логически объяснимую подоплёку, отказываясь верить в связь сестры с чем-то паранормальным. Искал, но не находил, потому и обратился за консультацией к бывшему наставнику, а тот сказал, что поиски нужно вести в другом направлении. Странно было слышать, что человек с учёной степенью в области психиатрии верит в экстрасенсорику.

Олег приехал на следующий день после разговора Николая с профессором Волосовым и принялся бурно протестовать против условий, выдвинутых бывшим однокурсником. Да, он действительно изначально говорил о том, что его встречи с Кирой будут безрезультатными, если их обоих загонят в рамки «врач – пациент». Настаивал на неформальном дружеском общении на равных, но Николай категорически запретил ему даже упоминать при Кире о неординарных способностях.

Встречи продолжительностью не больше часа в кабинете под видеонаблюдением с записью всех разговоров – неудивительно, что Кира испытывала дискомфорт, чувствуя себя подопытным кроликом. Любой нормальный человек испытывал бы то же самое, и Олег настаивал на том, что девушка хотя бы имеет право знать, кто с ней работает. Итог – Кира сорвалась, а когда узнала, что Олег экстрасенс, а не доктор, и вовсе отказалась продолжать это бессмысленное времяпрепровождение.

Николай не верил, что у Олега что-то получится, но не мог отказаться от его помощи, потому что сам был в состоянии только запретить сестру в лечебницу, что вряд ли привело бы

к положительным результатам. В глубине души ему не хотелось признавать, что она больна так же, как был болен её отец. Никто ведь не знал, почему именно дядя Юра запил, откуда у него появились навязчивые идеи, и что конкретно привело к трагедии. Он не обращался к докторам, не жаловался на галлюцинации, всё держал в себе, а потом стало слишком поздно искать корни проблемы. Кира – милая девочка, она не заслуживает такой же судьбы.

Когда Олег ушёл из клиники вслед за Кирой, Николай решил, что даст ему ещё один шанс. Верить или нет – дело десятое. Если Олег способен помочь Кире, пусть помогает так, как сочтёт нужным. Неформально, бесконтрольно... Если нужно будет вмешаться, доктор Рябинин вмешается, ну а пока он всё же попытается найти в архивах похожие случаи, чтобы убедиться в том, что это именно болезнь. Он и сам не знал, какой ответ для него будет более приемлемым – что Кира унаследовала отцовский недуг или что это не недуг, а то, во что поверить сложно.

– Вы меня преследуете? – Кира оглядела стоящего на пороге мужчину с ног до головы и вопросительно приподняла бровь.

– Нет, – улыбнулся Олег в ответ. – Просто сегодня вы думали не о том, о чём я просил, а об этом вот творожном тортике, который с утра видели в супермаркете возле вашего дома. При этом вы подсчитывали, можете ли себе позволить эту маленькую вкусняшку, учитывая, что за последний проект с вами рассчитаются только через неделю, а за коммунальные надо платить уже сейчас.

– А, так это акт благотворительности? – усмехнулась девушка, игнорируя намёк на то, что Олег читал во время сеанса её мысли.

Он ей не нравился. Слишком много небрежности было в этом мужчине – в требующих стрижки прядях чёрных волос, постоянно падающих ему на глаза, в колючей щетине на щеках и подбородке, в рубашке навыпуск с двумя расстёгнутыми у ворота пуговицами... Он создавал впечатление человека, которому наплевать на условности, а такие люди опасны, потому что непредсказуемы. Симпатичный, да ещё и экстрасенс. «Наверняка не женат, потому что жить с человеком, который видит тебя насквозь, кошмарно», – предположила Кира и тут же наткнулась на насмешливый взгляд его карих глаз.

– Я был женат, – сообщил Олег в ответ на её мысли. – И вы правы, для моей жены это было кошмарно. Впустите меня? Я не кусаюсь.

– Зачем вы пришли? – поинтересовалась девушка, стараясь не смотреть на торт в его руке и не сглатывать слюну слишком часто.

– Объяснить, зачем я приехал в этот город, и почему мы с вами целую неделю занимались ерундой, так и не сдвинувшись с мёртвой точки, – спокойно отозвался он.

– Мне это неинтересно.

– А если при этом я объясню, в чём именно заключается ваш дар?

– Дар? – скривилась Кира. – Это проклятие, а не дар.

– Ошибаетесь, Кира Юрьевна. Это дар, причём очень важный. И он временный. Тут по соседству с вами живёт весьма любопытная дама, которая сотрёт себе сейчас ухо об дверь, если мы будем продолжать эту беседу при открытых дверях.

– Ладно, входите, – вздохнула девушка, впуская его в квартиру.

Соседка действительно была не только любопытной, но ещё и болтливой. К тому же, она недолюбливала Киру, которая наотрез отказывалась участвовать в общественных мероприятиях, регулярно устраиваемых неофициальным объединением жильцов. Было глупо продолжать дискуссию на лестничной площадке, потому что теперь весь дом и так будет знать, что к Кире приходил мужчина. Не хватало ещё, чтобы тема их разговора тоже стала предметом для пересудов.

Олег бегло оглядел однокомнатные хоромы, отметив аскетическую обстановку, плотно зашторенные окна и полное отсутствие мелочей, которые делают уютным дом, где живёт женщина.

– Раз уж вы принесли торт, будем пить чай, потому что холодильника у меня нет – сообщила Кира, жестом приглашая гостя в кухню.

– А где же вы продукты храните? – из вежливости уточнил Олег, разуваясь.

– В столе. Я ничего скоропортящегося не покупаю.

– Консервами питаетесь что ли?

– Ну почему же сразу консервами? Просто не люблю готовить, вот и беру уже готовое так, чтобы на один день хватило. Сейчас жарко, и ваш презент завтра уже будет несъедобным, поэтому нужно слопать его сегодня. Я потому его и не купила, а не из-за того, что у меня денег нет.

– Значит, я сделал неправильный вывод из разрозненных образов, – заключил Олег, разглядывая убогое убранство кухни.

Двухконфорочная газовая плита, мойка, стол, две табуретки и двустворчатый навесной шкаф – вот и вся обстановка. Хозяйка этой погружённой в полумрак пещерки явно не привыкла себя баловать, хотя её, кажется, всё вполне устраивало. Особенно странно в этой пустоте выглядели тяжёлые тёмно-синие шторы, спускающиеся почти до пола, что в кухне было некоторым образом неуместно.

– А шторы, я так понимаю, вы повесили здесь недавно, – уточнил мужчина, присаживаясь на один из табуретов.

– Угу, – кивнула Кира.

– А зачем? Не думаю, что у вас во дворе люди мрут, как мухи.

Она зажгла газ под чайником на плите и выглянула в окно, слегка отодвинув край шторы.

– Вы всё время спрашивали меня про первый день, когда я увидела мёртвый путь, а я говорила вам, что с утра посмотрела в окно, а он был там, во дворе... Он всё ещё там, и это меня пугает.

– Это означает, что человек умер, но его ещё не похоронили.

– Да, но уже почти месяц прошёл, а след не исчезает, – нахмурилась Кира, усевшись на вторую табуретку. – Я думала, что это один и тот же путь, когда впервые рискнула посмотреть, куда он ведёт. Тот был недалеко отсюда, я пришла на кладбище, и он пропал, когда в могилу начали землю бросать. Тот исчез, а этот остался. И после малыша исчез. И от парня того, которого машина сбила...

– И вы купили шторы, чтобы не видеть того, который не исчезает, – закончил за неё мысль Олег. – А почему вы раньше об этом не говорили?

– Не знаю, – пожала плечами Кира. – Наверное, не хочу думать о том, что где-то столько времени лежит чьё-то тело. Вам приятно было бы думать о таком?

– Нет, – покачал головой мужчина.

– Ну вот. И мне неприятно. Я прекрасно понимаю, что шторами проблему не решить. Чтобы этот тёмный путь исчез, я должна пройти по нему и найти то, что в конце. Его или её похоронят, и всё закончится, но мне страшно. Мне почему-то кажется, что от этого проблем будет ещё больше. Предчувствие какое-то недоброе. Вы, кстати, обещали рассказать, что это за напасть такая.

Чайник закипел, и она встала, чтобы налить кипятка в чашки, поэтому не видела, как в глазах гостя промелькнула искра удовлетворения, почти торжества. Он был безмерно рад, что девушка так легко пошла на контакт после целой недели безрезультатных встреч.

– Не обещал, а предлагал, – уточнил Олег.

– А разница? Я же согласилась вас выслушать.

– Хорошо... – он подвинул к себе чашку со свисающим из неё ярлычком пакетика с заваркой и принялся разрезать торт на аккуратные ломтики ножом, который Кира достала из ящика в столе. – Возможно, это прозвучит странно, но я был знаком с человеком, который выполнял желания умерших людей.

– Был?

– Да, был. Его тоже уже нет в живых, и я чувствую себя виновным в этом. Родителям этого парнишки меня тоже порекомендовал профессор Волосов, как и в вашем случае. Мы много разговаривали, он рассказывал мне о том, как это происходит... Кого-то похоронили в тесной обуви, и покойный просил принести на могилу домашние тапочки. Кому-то было темно, и просьба состояла в том, чтобы зажечь у надгробия свечу... Знаете, Кира, люди с особым даром встречаются редко, и обычно этот дар бывает врождённым, как у меня, поэтому его легко распознать. Есть определённые признаки, которые очень похожи на симптомы расстройства личности, но всё же они имеют отличия. Я не буду сейчас вдаваться в подробности, потому что так мы потеряем нить беседы, а вас интересуют ответы на конкретные вопросы. С этим мальчиком я ошибся, потому что его дар был приобретённым и временным, как и ваш. Парню было шестнадцать, когда он начал шастать по кладбищам, и родители сначала решили, что их ребёнок прибил к сатанистам. Он рассказал им правду, чтобы объяснить своё поведение, но ему никто не поверил. Его начали таскать по психологам и психиатрам. Когда мальчик попал ко мне, я тоже выслушал его, пытаясь найти хоть что-нибудь, свидетельствующее о наличии у него особого дара.

– И не нашли, – констатировала Кира.

– Нет, не нашёл.

– А что именно вы искали? Как вы видите, что вот это вот дар, а вот это сдвиг по фазе?

– Я вижу образы, которые возникают в сознании человека, когда он о чём-то думает. Это очень тонкая грань, её сложно нащупать. Я и в медицину-то поэтому подался – искал беспрепятственный доступ к клиническим случаям, чтобы понять, как эти люди видят наш мир, и как работают их видения. Мои способности позволяют мне разграничивать то, что видят глаза, и то, что подсовывает подсознание. Как фильтр. Когда я его использую, реальные образы остаются чёткими, а остальное смазывается, становится расплывчатым.

– Ясно, – кивнула Кира и, вооружившись вилок, начала есть торт прямо из подложки, на которой он лежал. – Вы не стесняйтесь, ешьте, а то я одна столько не осилю.

Олег посмотрел на неё, слегка сощурившись, и перед его внутренним взором промелькнула стопка из нескольких тарелок, падающая на пол из мокрых рук хозяйки, а вслед за этим он увидел, как Кира ест макароны с тушёной курицей прямо из сковороды. Видимо, покупка новой посуды в её перечень необходимых расходов не входила.

Глава 3

В этот раз говорил он, а она только слушала и иногда задавала вопросы – всё с точностью до наоборот. Олег объяснил, что их встречи с самого начала должны были быть более лёгкими, но Николай слишком сильно опекал сестричку, чтобы доверить её человеку, которого недолюбливал.

– Коля всегда такой, – понимающе кивнула Кира. – Пытается защитить, оградить, но вечно перегибает палку, хотя и не признаёт этого.

История про мальчика, который выполнял поручения призраков, закончилась, конечно же, печально – беспокойные души, недовольные тем, что их поручения не выполняются, свели его с ума. Олег и не знал бы, что допустил роковую ошибку, если бы через какое-то время не накопил информацию об аналогичных случаях. Он даже нашёл человека, который пытался систематизировать данные, чтобы выявить признаки, по которым этот странный дар выбирает себе носителя. Увы, исправить ошибку было уже невозможно.

– Это всегда здоровые и крепкие люди, – пояснял Олег. – Все в разное время пережили утрату близкого человека, но больше их ничего не связывает. Способности проявляются неожиданно и терзают носителя до тех пор, пока его нервная система в состоянии принимать их. Как только появляются первые признаки расстройства личности, мертвецы оставляют носителя в покое, и дар переходит к кому-то другому. Мы разобрали только те случаи, которые были зафиксированы в нашей стране, но их не так уж и много. Люди не любят обращаться за помощью, поэтому пробелов в цепочке носителей предостаточно, но мне удалось найти последнего. Это женщина, она живёт во Владивостоке и не имеет намерения с кем-либо обсуждать свои странности. Сильная личность, её надолго хватит. Жаль только, что на контакт не идёт.

– А с чего вы взяли, что мой случай подходит под эту систему? – нахмурилась Кира.

– Вы здоровы физически, пережили трагедию, и у вас появилась непонятная связь с миром мёртвых, – пожал плечами мужчина. – Три составляющие, типичные для всех случаев, о которых мне известно.

– Но я не вижу призраков.

– А это не имеет значения. У мёртвых много разных способов добиваться того, что им нужно. Знаете, до случая с этим мальчиком я никак не мог решить, куда применить свой собственный дар. Метался, искал направление, в котором я мог бы приносить людям хоть какую-то пользу. Я не шаман, как вы называли меня в клинике, мои способности иного характера, – при этих его словах Кира густо покраснела, но Олег вежливо сделал вид, что не заметил этого, и продолжил свой монолог, как ни в чём не бывало: – Я могу не только видеть чужие мыслеобразы видеть, но и транслировать их, передавать кому-то другому. В институте я без памяти влюбился в одну очень красивую девушку, которая, к сожалению, выбрала для себя не ту профессию. У неё гуманитарный склад ума, а она пошла в медицину, поэтому были определённые сложности с учёбой. Какое-то время на экзаменах и зачётах я помогал ей, незаметно подсовывая в её мозг нужную информацию, а она хвасталась, что у неё феноменальная память.

– Но это же медвежья услуга, – скривилась Кира.

– Да, – согласился Олег. – Я перестал помогать ей, когда при выборе специальности она остановилась на нейрохирургии. Просто представил, что человек с фактически пустой головой возьмёт в руки скальпель, и понял свою ошибку.

– Что-то вы очень часто ошибаетесь.

– А вы нет? – парировал он и, не дожидаясь ответа, вернулся к теме, которую они обсуждали до этого. – Кира, ваш случай интересует меня по двум причинам. Во-первых, я уже объяснил, чем заканчивается подобная связь с иным миром. Чаще всего люди сами себе создают проблемы или попадают в ситуации, в которых могут ожидать помощи извне. Вам этой помощи

ждать неоткуда. Можете выставить меня за порог, и я уеду, но со временем вы угодите туда, куда вряд ли хотите попадать. То, что вы видите, сведёт вас с ума, потому что вы не готовы к этому. Никто к такому не готов. Я выбрал для своих исследований именно это направление, поскольку такие способности встречаются крайне редко, они не изучены, и от них нет лекарства. Это не порча, которую можно снять. И оно не исчезнет само собой.

– Но как-то ведь от этого можно избавиться?

– Я не уверен, и это вторая причина.

– То есть, вы даже не знаете, сможете ли вообще хоть чем-то быть для меня полезным? – криво усмехнулась девушка.

– Не знаю, – честно признался он. – Единственное, на что я сейчас способен, это не дать вам скатиться в пропасть безумия. Если вы позволите мне вмешаться, вместе мы попробуем выяснить, для чего нужны эти способности, понять причину их возникновения и поискать способ избавить вас от этого бремени. Две головы ведь всегда лучше одной, а поддержка человека, который верит, что вы не сумасшедшая, вам необходима. К тому же, есть ещё одна проблема – я не вижу того, о чём вы рассказываете.

– В смысле? – нервно дёрнула щекой Кира, поскольку ей не нравилось, какой оборот приняла их ни к чему не обязывающая беседа.

– В прямом. Врождённый дар воспринимается носителями, как нечто естественное. Я вижу его в сознании людей так же, как видят они. Галлюцинации изначально выглядят так же, но мои способности отфильтровывают их, сначала смазывая, а потом убирая полностью. Так я понимаю, болен человек или одарён. Временные способности всегда смазанные, потому что они носителю не принадлежат. И они никуда не деваются, даже если фильтровать видения постоянно. А в вашем сознании этих видений просто нет. Вот вы недавно выглядывали во двор и говорили, что видите там нечто, что не исчезает уже довольно долго, но при этом я считывал с вас только реальные образы – детская площадка, четыре автомобиля на парковке, сломанное деревце, цветущие ирисы в палисаднике, две женщины на лавочке у подъезда, старик на балконе на третьем этаже...

– Хотите сказать, что я всё выдумала?

– Фантазии тоже создают образы, и я бы видел их, но у вас даже этого нет.

– Супер! То есть, вы ничего не видите, делаете выводы исключительно из моих слов и при этом предлагаете мне какую-то мифическую помощь? – окончательно разозлилась Кира.

– Вот теперь вы подумали о женщине с короткой стрижкой. Она обидела вас чем-то, и ваше текущее состояние вызвало из подсознания её образ, – спокойно сообщил Олег. – Кира, я не буду заставлять вас делать что-то против вашей воли. Так ничего не получится. Вы боитесь. Вы закрыты. Я ничего не вижу не потому, что этого нет, а потому что вы не хотите мне это показывать. Неделя сеансов в клинике только загнала вас ещё глубже в себя, но насильственно выковыривать то, что мне нужно, я не намерен. Я помочь хочу, но одного моего желания недостаточно. Нужно, чтобы вы тоже хотели этого. Давайте сделаем так... Запишите номер моего телефона и позвоните, если решите, что нуждаетесь во мне. Я буду ждать вашего звонка два дня, и если не дожусь, то послезавтра вечером уеду, и больше никогда вас не побеспокою. Не буду скрывать, мне правда весьма интересен этот случай, потому что раньше я с подобным не сталкивался, но это не повод лезть в ваше личное пространство и доламывать то, что и так уже дало трещину.

– Какую ещё трещину? – процедила сквозь зубы девушка, испытывая нестерпимое желание выставить гостя за дверь.

– Вы находитесь в постоянном нервном напряжении и не контролируете свои эмоции. Подвержены частым вспышкам гнева, раздражительны. Ваша квартира напоминает нору, из которой вы выбираетесь только в случае крайней необходимости, а потом сразу же прячетесь обратно. Перечислите доктору Рябину хотя бы это, и он поставит под вопрос сразу несколько

диагнозов. Кира, ваша психика уже начинает разрушаться, и дальше будет только хуже. Простите за откровенность, но кто-то должен открыть вам на это глаза. Не буду и дальше нервировать вас своим присутствием, благодарю за гостеприимство.

Закрывая за ним входную дверь, девушка думала о том, что деликатность не входит в перечень достоинств этого человека. Застал врасплох, немного расположил к себе беседой на отвлечённые темы, а потом неожиданно вывернул на голову правду, которую она не хотела принимать.

«Вы боитесь...» Да любой нормальный человек боялся бы признать, что мир, в котором он живёт, способен на такие подарки судьбы. Призраки, требующие что-то мертвецы – это находится за гранью реальности, этого не должно быть, но отрицать, что это есть, глупо, потому что вот оно, здесь, совсем рядом.

Кира раздражённо металась по квартире, пока не врезалась пальцами ноги в дверной косяк. От боли перехватило дыхание, но в забитой тревожными мыслями голове неожиданно просветлело, и в памяти всплыло решение уехать из города, которое раньше она отвергла из-за Коли, обещавшего помочь избавиться от видений.

Личных вещей, как и бытовых мелочей, в её квартире и жизни было немного из соображений практичности – Кира не любила тратиться на то, чем будет пользоваться редко. Рассудив, что парадно-выходной брючный костюм, туфли и дамская сумочка в путешествии вряд ли пригодятся, она сунула в рюкзак ноутбук, кошелек, паспорт, смену белья, свитер и запасные джинсы с футболкой. Ничего лишнего – только то, что может понадобится, пока она не найдёт место, где решит осесть надолго.

Оглядев напоследок своё жилище, чтобы понять, не забыла ли взять что-нибудь нужное и важное, Кира признала, что Олег был прав – это нора, а не квартира. Мрачная пещера, в которой нет места уюту и маленьким радостям.

Впервые за последние несколько лет она вспомнила о наследстве, которое получила после гибели родителей – небольшая сумма на счёте в банке, дача за городом и клочок земли в городской черте, на котором догнивали руины их сгоревшего дома. С минуту поразмыслив, Кира вынула из ящика стола папку с документами на недвижимость, закрыла за собой дверь на ключ и сбегала вниз по лестнице, прикидывая на ходу, где находится ближайшее риэлторское агентство.

Продать всё, включая квартиру, и положить деньги в банк под проценты, чтобы они потихоньку копились, пока она не найдёт подходящий домишко в какой-нибудь деревеньке. С удобствами на улице, с дровяной печкой, с мышами и пауками – какой угодно, лишь бы подальше от города.

– Я так понимаю, в этих документах вы ничего не смыслите? – сочувственно улыбнулась девушка-риэлтор, разложив перед собой Кирины бумаги.

– Нет, – призналась Кира. – А что не так?

– Видите ли, Кира Юрьевна, продать что-либо из этого прямо сейчас у вас не получится. Квартира социальная, вам, как сироте, её предоставило государство, но только в пользование. Для того, чтобы её продать, нужно сначала приватизировать, получить право собственности.

– Ладно, но остальное-то мне от родителей досталось, оно моё.

– И здесь вы тоже не совсем правы. У вас на руках только свидетельство о праве на наследство. С этим документом вы можете быть уверенной, что имущество ваше, но без регистрации права собственности сделки невозможны.

– Что-то вы меня путаете... – нахмурилась Кира. – Почему я не могу продать то, что принадлежит мне?

– По закону, – спокойно пояснила юристка. – Есть определённые процедуры, которые нужно пройти, чтобы подтвердить ваши права. Для того, чтобы это сделать, нужно собрать

пакет документов и подать их на регистрацию. Если у вас нет ни времени, ни желания, ни возможности заниматься этим, мы можем прямо сейчас проехать к нотариусу и оформить доверенность.

– Зачем?

– Чтобы избавить вас от беготни и суеты. За вас всё сделают специалисты. И бумаги подготовят, и покупателей найдут. Вам останется только дожидаться, пока деньги от продажи поступят на счёт.

– И сколько времени это займёт?

– Документы мы подготовим в течение месяца, а дальше всё зависит от того, как скоро найдётся покупатель. И, опять же, это только земли касается, с квартирой мы ничем вам не сможем помочь.

– А цена вашей работы?

Риэлтор положила перед Кирой прайс и указала карандашом на суммы напротив соответствующих услуг.

– Доверенность и вот это нужно будет оплатить сразу, а процент от сделки мы удержим после продажи.

– Спасибо, я подумаю.

Кира забрала документы и вышла на улицу, чувствуя себя так, будто ей в голову на протяжении последнего получаса кто-то методично складывал маленькие камешки. Она ничего не смыслила в юридических тонкостях, но с математикой-то у неё всё было в порядке, и заподозрить, что в результате всех этих усилий сумма на банковском счёте вряд ли станет намного больше, ума хватило. Её напугали цифры в прайсе – там тысяча рублей, там три, да потом ещё и проценты. Где гарантия, что это окупится? Городская земля наверняка стоит прилично, но всё же...

Сунув папку в рюкзак, Кира дошла до автобусной остановки и присела на лавочку, чтобы подумать, что делать дальше. Денег на карточке мало, но скоро с ней должны рассчитаться за проект. Нужно решить, куда ехать, а дальше – по обстоятельствам. Лишь бы Интернет был, он для работы нужен, а остальное значения не имеет.

Глава 4

Впервые Кира увидела, как появляется то, что преследовало её уже почти месяц. Лёгкое дуновение, которое почувствовала только она. Воздух прямо перед ней внезапно сгустился и стал каким-то... липким. Сидящая рядом женщина вытерла лоб и шею влажной салфеткой, помахала рукой, чтобы создать хоть мало-мальский ветерок, но жара в этот день не собиралась никого щадить. А Кире было холодно так, что зуб на зуб не попадал – она умудрилась сесть именно на то место, где до неё сидел человек, который, судя по всему, только что умер.

– Если так пойдёт и дальше, мы все сваримся, – констатировала незнакомка, обращаясь к Кире. – Вы видели прогноз? На всю неделю вот такое пекло. Девушка, вам плохо что-ли?

– Н-нет, – выдавила из себя Кира, отчаянно цепляясь за ускользающую от неё реальность.

Чёрные точки плясали перед её глазами, собираясь в плотный поток, который медленно плыл перед глазами. В ушах шумело, даже взволнованный голос сердобольной женщины, принявшей чем-то обмахивать побледневшее лицо девушки, казался приглушённым, будто бы идущим сквозь толщу воды.

– Да помогите же кто-нибудь! – донеслось откуда-то издалека, и Кира завалилась назад, даже не почувствовав, что чьи-то руки не дали ей упасть с лавочки на пыльную плитку тротуара.

Она часто слышала о том, что жизненный путь человека заканчивается светом, к которому нужно пройти через тёмный тоннель. Представляла себе, как это будет, но не рассчитывала попасть в тот самый тоннель так скоро. И уж точно не думала, что окажется сразу у выхода – там, где свет.

Было в этом что-то неправильное. Стоя спиной к яркому сиянию, Кира смотрела во тьму и видела в ней лица. Много лиц. Мужчины, женщины, дети... Они ничего не говорили и не двигались, но в устремлённых на неё взглядах девушка читала мольбу. Все эти люди ждали от неё чего-то, но странность заключалась не в этом. Мёртвые. Нет, даже не так. Призраки.

– Ты должна им помочь, – раздался за спиной голос, которого Кира не слышала уже много лет.

– Папа? – она повернула голову, но свет больно резанул по глазам, и поэтому пришлось зажмуриться и отвернуться, чтобы снова обрести возможность видеть хоть что-нибудь.

– Прости меня, доченька.

– Папа! – Кира опять попыталась оглянуться, но слепящее сияние шло отовсюду, и даже щуриться, чтобы разглядеть что-то, было бесполезно. – Я умерла, да?

– Нет, девочка моя. Не ты, а кто-то из тех, кто стоит сейчас перед тобой.

– Но...

– Это была моя ноша, а я не справился. Не смог. Прости, но теперь это бремя должна нести ты.

– Я не хочу!

– Ты должна.

– Почему?! – выкрикнула она, давась слезами. – Почему, папа? Почему я?

– Это не для них, Кира, а для тебя. Твой труд будет вознаграждён, дочка.

– Да не нужны мне никакие награды! Тебя нет, папа! Ты умер! Вы все умерли! Оставьте меня в покое! Верните меня назад! Я хочу назад! Я не хочу умирать!

Кира попыталась сделать шаг назад, но свет словно пружинил, выталкивая её обратно во тьму. Тогда она закрыла глаза и ринулась вперёд, намереваясь протиснуться через толпу призраков, но наткнулась на глухую стену из застывших, холодных тел. «Найди... Найди...

Найди...» – многоголосый шёпот хлынул одновременно со всех сторон, зазвенел в голове. Она зажала уши руками и закричала, пытаясь перекрыть своим голосом этот жуткий шум, почувствовала, как холодные пальцы касаются её лица...

– Вот сюда её кладите, под дерево, – пробился через невообразимый гул чей-то взволнованный голос, и в лицо хлынул поток ледяной воды.

Кира распахнула глаза и глубоко вдохнула, торопясь вернуться в реальность. Никогда ещё она так не радовалась живым лицам, пусть даже и незнакомым. Высоко над ней зеленели раскидистые ветви каштанов, в уши лился привычный городской шум, а рядом на корточках сидела та самая женщина с остановки, которая напрочь забыла о жаре и теперь, похоже, руководила спасательной операцией.

– Спасибо, – прошептала Кира, слизнув с нижней губы капельку воды.

– Да не за что, – отозвалась незнакомка. – Сейчас «скорая» приедет, уже вызвали. Вы как?

– Сносно. Не надо «скорую».

– Нет уж, милочка, – нахмурилась женщина. – С обмороками шутить не стоит. Вы не беременны случаем?

– Нет.

– Тогда это, наверное, от духоты, но всё равно лучше пусть доктора вас посмотрят.

Кира была уверена, что духота здесь совершенно ни при чём. Кто-то очень вовремя выдернул её из тёмного потока, и случилось это наверняка тогда, когда потерявшую сознание девушку решили перенести в тень. А поток остался – она отчётливо видела его с того места, где теперь лежала. Только вот выглядел он немного иначе, не так, как те, с которыми она сталкивалась раньше. Теперь тёмный шлейф не просто висел в воздухе, а медленно двигался, тёк, указывая направление пути, сделанного умершим человеком.

Наверное, погружение в небытие что-то изменило в её восприятии призрачного следа, но размышления об этом пришлось отложить на попозже, потому что прибыла бригада медиков, которые дружно принялись убеждать бестолковую пациентку в необходимости проехать с ними в больницу. Кира выслушала целую лекцию о возможных причинах потери сознания и в итоге подписала отказ от госпитализации под мрачные пророчества, что в следующий раз доктора могут просто не успеть прийти ей на помощь.

«Скорая» уехала, сердобольные помощники и зеваки разошлись по своим делам, а Кира предпочла отойти подальше от злополучной остановки, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Ей нужно было обдумать случившееся, понять, что именно произошло.

Почему тьма втянула её в себя именно сейчас, когда было принято решение сбежать от всего этого? Случайность? Может быть, под предупреждением, что по тёмному пути нельзя ходить, отец имел в виду не путешествия вдоль неведомого следа, а пребывание внутри него? Мертвецы же были в конце и так, и эдак. Раньше Кира только касалась призрачной тьмы, иногда пересекала её, но никогда не пропускала сквозь себя, не задерживалась в потоке. Если это последний отрезок чьего-то жизненного пути, мог ли он совпасть с её собственным путём, спровоцировав тем самым этот неправильный обморок? Или беспокойные души на той стороне осознали, что их жертва вот-вот улизнёт, и намеренно решили расстроить её планы?

Голова шла кругом от обилия вариантов, которые следовали вереницей один за другим, создавая всё более немыслимые картины. Кира останавливалась на каждом, тщательно обдумывала, отвергала и переходила к следующему. Не для того, чтобы понять причину – она просто боялась возвращаться мыслями к голосу, который слышала там, в пристанище мёртвых. Ей было больно думать об этом. Так больно, что горло сжималось, выдавливая из глаз непрошенные слёзы.

Вознаграждение... Что отец хотел этим сказать? Может, изменившиеся ощущения – это часть того самого вознаграждения? Эдакий аванс? Но зачем ей дали это новое восприятие? Да, теперь она отчётливо видела направление тёмного пути. Кроме того, откуда-то взялось знание,

что покойник, которого она найдёт, если пойдёт по этому следу, умер своей смертью. Она даже, кажется, представляла себе, как выглядит усопший – это пожилая женщина, сморщенная старушка с некрасивой родинкой на переносице ближе к правому глазу. Кира видела эту женщину впереди призрачной толпы там, во тьме.

Погрузившись в раздумья, девушка даже не заметила, что идёт параллельно тёмному потоку, пока не оказалась во дворе неподалёку от остановки. Это был старый район города с утопающими в зелени узкими улочками и четырёхэтажными кирпичными домами, которые выглядели убого, но всё равно уютнее, чем новостройки. След уходил к одному из таких домов, и у подъезда, в полумрак которого он нырял, собралась стайка местных жителей, которые живо обсуждали главные новости дня. По сочувствию на их лицах Кира поняла, что эти люди знали умершего. Или умершую, если новое знание даёт верные подсказки.

Подслушивать нехорошо – эту прописную истину она отлично усвоила ещё в детском доме, где за малейшим проявлением излишнего любопытства неизменно следовали нудные наставления о правилах поведения в обществе. И всё же Кира подошла поближе к подъезду, привлечённая не столько болтовнёй, сколько тем, что тёмных потоков здесь было сразу два.

Точнее, это был один и тот же путь, но направления двух его рукавов были противоположными – один уводил со двора, а другой возвращался назад, но уже с другой стороны. «Наверное, старушка сначала вышла из подъезда, а потом вернулась и умерла», – предположила Кира, прислушиваясь к разговору соседей усопшей.

– Ох, горе-то какое...

– Да кому горе-то? Нинка теперь хоть вздохнёт свободно. Сколько она мучилась? Два года? Три? Михална то окно с дверью попутает, то на помойку сбёгнет, думая, что это магазин. И ладно если сама верталась, а то как ускачет куда, и ищи-свищи, как сегодня. Я Нинке сто раз говорила – отдай бабу в дом престарелых, пусть там с ней возятся.

– Да тьфу на тебя! Ты сама-то отдала бы родного человека?

– А и отдала бы. Ей-то что? Она Нинку не узнавала даже уже. Ни себе жизни, ни дочери. Спасибо жару, освободила бабу наконец-то от ярма этого.

– Да хватит квохтать, куры неугомонные, – вмешался в разговор женщин сидящий на скамейке старичок. – Отмучилась Михайловна, а Нинке всё одно горе, хоть и свобода теперь. Хоронить-то когда будут? На таком пекле долго-то держать негоже.

– Так завтра. Переночует Михална дома, а потом в последний путь провожать будем.

– Не, сейчас не модно это, – авторитетно заявила одна из тёток. – В морг отвезут, чтоб в холодильнике дожидалась родственничков, а там и оденут, и отпоют, а оттуда потом сразу на кладбище. Мы Семёна так хоронили. Нет сейчас традиций таких, чтоб покойника в доме держать. О! А вот и машина из морга. Всё, как я и сказала.

Во двор въехал чёрный катафалк, который вряд ли принадлежал городскому моргу. Скорее, какому-нибудь агентству ритуальных услуг. Машина остановилась прямо перед подъездом, и болтливые тётки притихли, с любопытством наблюдая за дюжими молодцами, которые достали из кузова носилки и с непроницаемыми выражениями на лицах отправились выполнять свою работу.

Кира задержалась в этом дворе только ради того, чтобы убедиться, что тёмный след потянется за автомобилем туда, куда повезут тело. Она не ошиблась, но морального удовлетворения это не принесло. Проводить покойницу вышла та самая родственница, несчастную долю которой так живо обсуждали соседи. Женщина плакала, ей громко сочувствовали, и Кира сбежала оттуда, потому что тоже была готова разрыдаться, приняв близко к сердцу чужое горе.

Ноги сами понесли её в сторону кладбища, куда она старалась ходить как можно реже, чтобы не бередить старые раны. Бабушка и дедушка, мама и папа, маленький Женька и дядя Петя – почти все, кого она любила, были здесь. У неё остались только Колька и тётя Оля,

склонная перекладывать вину за гибель мужа на плечи Киры только потому, что девочке удалось выжить в том кошмаре тринадцатилетней давности.

Где-то были ещё родители отца, но Кира понятия не имела, где они, живы ли, и почему в семье было не принято говорить о них. Они даже на похороны своих сыновей не приехали, и Коля тоже ничего про них не знал. Их словно вычеркнули из жизни, договорившись никогда не вспоминать.

Могилки с гранитными надгробиями были чистыми, и у каждого памятника стояли в воде свежие цветы. Кира знала, что это Ольга Вадимовна постоянно ходит сюда, наводит порядки, проводит любимого человека, которого потеряла, и тех, кто был ему дорог. Только вот к могиле деверя, по вине которого случилась трагедия, она раньше никогда не притрагивалась. Коля говорил, что платил кому-то за то, чтобы здесь было чисто, а цветы никто, кроме Киры, к последнему пристанищу её отца не носил.

Повинуясь сиюминутному порыву, девушка достала телефон из рюкзака и нажала кнопку вызова напротив номера Николая.

– Кириш, извини, я занят, не могу сейчас говорить, – ответил он после первого же гудка.

– Я на секундочку, Коль.

– Что-то случилось?

– Нет, всё хорошо. Просто передай тёте Оле спасибо за то, что она поставила цветы на папину могилку. Для меня это очень много значит.

– Кир, какие цветы? Мать второй месяц в гипсе сидит. Я же тебе говорил, что она ногу сломала. Ладно, всё, пока, позже созвонимся.

Он завершил вызов, и Кира удивлённо уставилась на потухший экран смартфона. Если не тётя Оля, то кто? Свежая краска на оградках, свежие цветы... Даже конфеты и печенье на чистеньких блюдечках выглядели свежими.

Меланхолию вместе с жалостью к себе как ветром сдуло. Кладбищенские служащие? Коллеги мамы или дяди Пети? Кому и зачем понадобилось ухаживать за чужими могилами? Первое предположение можно было проверить на месте, и Кира решительным шагом направилась к приземистому строению у ворот, в котором ютились сторожка и офис одного из ритуальных агентств.

– Да? – отозвался на её стук краснощёкий сторож, всё лицо которого было покрыто бисеринками пота.

– Извините, вы не подскажете, в последнее время кто-нибудь интересовался, где похоронены Рябиныны? – хмуро поинтересовалась девушка.

– А вам зачем?

– Это родители мои, но я давно здесь не была, и больше приходить некому было, а могилки ухоженные. И цветы свежие стоят. Вчера или сегодня кто-то приходил. Или это вы?

– Нет, я только траву убираю, если надо, – покачал головой мужчина. – А сегодня с утра здесь много кто был, поминальный день же. Я на входе не допрашиваю, кто и к кому, не положено это. Вы в ритуальных услугах спросите, может, они что подскажут.

– Да что они могут подсказать? – расстроилась Кира.

– А они же цветы продают. Там много цветов-то? Рябининых, если я правильно помню... Четверо и Лукашины ещё рядом, вы про этот участок говорите?

– Да, про этот.

– Ну вот, правильно. Там букеты-то большие и не из дешёвых – я видал, когда обход делал. А с такой охапкой не ездят обычно, на месте покупают. Спросите, может, Маришка запомнила, кто шесть букетов покупал.

Кира поблагодарила его за подсказку и обошла здание, потому что вход в бюро ритуальных услуг был с другой стороны. Миловидная девушка сразу же вышла из-за стойки посетительнице навстречу, вежливо поздоровалась и поинтересовалась, чем она может быть полезна.

– Шесть букетов? Там розы белые, да? И один букет красный, потому что белые закончились. Помню, конечно. Парень молодой совсем и женщина лет сорока пяти. Они рано приехали, ещё до открытия. Я когда на работу шла, их машина прямо перед входом здесь стояла. Старенький такой бежевый «жигулёнок»... Парень высокий, спортивный. Шатен. Голос у него мужской такой, глубокий. А женщина маленькая, полненькая, неприметная. Она вообще молчала всё время, а цветы он выбирал.

– А по имени они не называли друг друга? – уточнила Кира.

– Нет. Он её мамой пару раз назвал, и всё.

– И номер машины не помните?

– Нет, – покачала головой Марина. – Я на номера не смотрю никогда. Но они точно не местные. Парень этот волновался, что мать себя чувствует не очень, а им до дома ехать ещё восемь часов. Я краем уха разговор услышала, когда они выходили уже.

Колокольчик на двери звякнул, извещая о приходе нового посетителя, и Кира вежливо поблагодарила девушку за помощь. Она вернулась к могилам дорогих ей людей и сидела там на крошечной лавочке под сенью берёз до самого вечера, перебирая в памяти события прошедшего дня.

Сначала новость о том, что квартира ей не принадлежит, а остальную недвижимость быстро продать не получится. Потом короткое путешествие в мир иной, которое вместо ответов на вопросы породило только новые загадки. Теперь нарисовались ещё и незнакомцы, приехавшие издалека, чтобы почтить память Кириных родственников. Многовато для одного дня. Складывалось впечатление, что какие-то неведомые силы вынуждают её застрять в этом городе и разгадать все головоломки, подsunутые этими же самыми силами.

Земля, которую она не смогла продать, досталась ей в наследство от отца. В тёмном тоннеле Кира слышала его голос. И эти парень с женщиной принесли цветы на его могилу. Отец... Он фигурировал во всём, что произошло сегодня, и это пугало.

Кира вернулась к сторожке уже затемно и попыталась выяснить у краснощёкого сторожа, не помнит ли он людей, машина которых стояла рано утром с другой стороны здания, но он сказал, что многие в этот день приехали пораньше, а автомобили он не разглядывал. Мужчина намекнул, что ему пора закрывать калитки на замок, и Кире пришлось уйти, чтобы не оказаться запертой на кладбище на всю ночь.

Возвращаться домой не хотелось, но она устала, а желудок требовал хоть какой-нибудь пищи, поэтому выбора не было. Стараясь меньше смотреть по сторонам, чтобы не видеть свидетельств чужих смертей, девушка добралась до своей мрачной норки ближе к полуночи и обнаружила на входной двери магнитик в форме кошачьей мордочки, который удерживал сложенную вдвое записку.

Цифры телефонного номера и короткое «Олег». Она не записала его номер, и он возвращался, когда хозяйки уже не было дома. Нырнув во тьму своего убежища, Кира прикрыла за собой дверь, но не стала закрывать её на замок. Прошла в комнату, не разуваясь. Села на диван и долго смотрела прямо перед собой, пытаясь принять правильное решение, а потом вынула из рюкзака телефон и написала короткое сообщение, потому что звонить малоизвестному человеку в столь поздний час было некультурно. «Приезжайте в любое время, когда вам будет удобно. Я, кажется, готова. Кира».

Глава 5

– А если бы это был не я, а какой-нибудь грабитель?

Кира взъерошила полотенцем мокрые волосы и прислонилась к дверному косяку, с усталой усмешкой глядя на ночного гостя.

– Он посмотрел бы, как я живу, расплакался и поделился собственными сбережениями. Анекдот знаете такой?

– Кира, у меня складывается впечатление, что вам совершенно на себя наплевать, – поморщился Олег. – Вы не запираете входную дверь на ночь, отказываетесь от медицинской помощи, когда вам реально плохо...

– Это вы о чём? – нахмурилась девушка.

– О сегодняшнем обмороке, – пояснил мужчина.

– Вы следите за мной?

– Не я, но наблюдение является частью моей работы. Со мной приехал человек, который... Не злитесь, пожалуйста. Вы же не думали, что я оставлю вас без присмотра, правда?

– А я и не злюсь, – пожала плечами Кира, повесила полотенце на дверь кухни, погасила свет и забралась с ногами на подоконник. – Когда я писала вам сообщение, то отдавала себе отчёт, который сейчас час. И всё же мне хотелось, чтобы вы приехали сразу, поэтому, идя в душ, я оставила дверь открытой. Обычно я закрываюсь, так что не надо искать проблему там, где её нет. Вы заметили, что я сняла шторы?

– Да, – раздался в темноте его голос. – Теперь ваше жилище выглядит ещё более пустым и мрачным.

– Зато из окон можно смотреть на фонари... Хотите чаю? Тортик ещё остался. Правда, он весь день простоял на столе и наверняка испортился.

– Нет, спасибо. Чаю я не хочу.

– А чего вы хотите?

Кира смотрела из окна во двор, но ощущала присутствие Олега и никак не могла понять, чего хочет сама. Этот человек раздражал её, заставлял чувствовать себя уязвимой и вызывал противоречивые желания. Она хотела чтобы он ушёл. Чтобы остался. Чтобы поцеловал её или отвлёл от мыслей о поцелуях разговорами про мертвецов. Чтобы он сделал хоть что-нибудь, а не ждал, когда она сделает первый шаг.

Он тоже чувствовал её – смесь страха, неуверенности в себе, отчаяния и возбуждения. Комок нервов. Всплывающие в её подсознании образы были обрывками реальности и фантазий, которые наслаивались друг на друга и быстро менялись, как бывает, когда человек находится на грани срыва. Олег был уверен, что в груди внешне спокойной девушки сейчас бешено колотится сердце. В ней накопилось слишком много эмоций и переживаний, нужна была разрядка, но он считал бесчестным поступать с Кирой так, как поступил бы с любой другой женщиной в подобной ситуации.

– Кира, давайте прогуляемся? – предложил он, сразу же ощутив хлынувшую от неё волну разочарования.

– Сейчас? – с нескрываемым сомнением в голосе уточнила она.

– Да, сейчас. Давайте будем откровенны друг с другом? Вы напряжены до такой степени, что похожи на натянутую струну, которая вот-вот лопнет. Я знаю множество способов снять это напряжение, и близость – далеко не самый лучший из них. Я не потащу вас в постель ради того, чтобы вы успокоились и открылись.

– А я вам этого и не предлагала, – надменно процедила она.

– Ну вот поэтому я и зову вас прогуляться по ночному городу. К тому же, там прохладнее, чем здесь.

– Благодарю, но я уже нагулялась сегодня на неделю вперёд. Если можно, просто побудьте здесь. Мне так почему-то легче.

Олег вздохнул и посмотрел долгим взглядом на её силуэт, темнеющий на фоне окна. Хрупкая фигурка, всклокоченные волосы, прямая, напряжённая спина... Она позвала его не потому, что была готова к разговору о событиях прошедшего дня, а потому что ей было одиноко. Ей не экстрасенс сейчас был нужен и не любовник, а друг. Человек, рядом с которым она

чувствовала бы себя увереннее. Тот, кто поддержит и не даст упасть, когда двигаться дальше не останется сил. А что сделал он? Обидел её неосторожными словами, за которые теперь было стыдно.

У неё был парень. Усыпанный веснушками нос, голубые глаза, обаятельная улыбка... Наверное, Кира была влюблена в него, раз слова о близости вызвали в её мыслях именно этот образ. Они смеялись, целовались, говорили друг другу нежные слова, а потом что-то перечеркнуло эту идиллию, но девушка, похоже, предпочитала хранить только добрые воспоминания об этом человеке. Она вся состояла из загадок и противоречий, и это вызывало у Олега не только профессиональный интерес. Он вдруг понял, что Кира нравится ему, а образ парня из прошлого вызывает непривычное чувство ревности.

Не красавица, да, но в ней была какая-то особая привлекательность. Когда она первый раз пришла на организованный Николаем сеанс в клинику, Олегу показалось, что Кира пытается соответствовать чьим-то представлениям о том, как должна выглядеть женщина. неброский деловой костюм был подобран по фигуре, но он вызывал у неё чувство дискомфорта, что выражалось в едва заметных, но постоянных движениях плечами. Потом она спросила, можно ли снять туфли, сославшись на отёкшие от жары ноги. В небрежной причёске угадывалась сделанная не так давно модная стрижка, но волосы уже отрасли, и было件件но, что в парикмахерской девушка далеко не частый гость. Полное отсутствие макияжа. И руки она постоянно пыталась держать под столом или сжатыми в кулаки, чтобы собеседник не заметил коротко остриженных, лишённых маникюра ногтей.

Олег не стал вмешиваться в эту сторону её жизни – если она считает, что так нужно, то это не его дело. Сегодня утром он увидел её совершенно другой – эдакой разгильдяйкой в шортах и просторной футболке, под которой угадывалось отсутствие нижнего белья. Так ей было ощутимо комфортнее, но дело даже не в одежде – она была самой собой.

Теперь на ней были только шорты и короткий топ, которые совершенно не скрывали явных изъянов фигуры. Нескладная, угловатая, тощая, но в то же время...

– Кира, вы ели сегодня что-нибудь, кроме торта? – спросил Олег для того, чтобы отвлечься от мыслей, которые принимали нежелательное направление.

– Нет, – честно призналась она.

– Хотите, я вам что-нибудь приготовлю?

– А вы умеете готовить?

– Умею. Если есть, из чего.

– У меня есть заварные макароны.

– Это не еда. Ещё раз предлагаю прогуляться, но в этот раз с конкретной целью – до супермаркета.

Кира повернулась к нему, но в темноте выражение её лица разглядеть было невозможно. Зато подсознание услужливо подсулоу сразу несколько картинок, явно свидетельствующих о том, что она голодна – пицца, яичница, чебурек, витрина с консервами...

– Господи... Если вы и дальше будете так питаться, то умрёте от язвы раньше, чем мы начнём разбираться с вашими паранормальными проблемами, – ужаснулся Олег. – От приглашения в ресторан вы, конечно же, откажетесь.

– Откажусь.

– Тогда переодевайтесь, пойдём в магазин.

– Я не голодна, – соврала она.

– Зато я голоден, – тоже соврал он.

В рыжем свете ночных фонарей колышущиеся полосы тёмного пути выглядели ещё более жутко. Выйти из двора можно было тремя путями, и Кира выбрала один из тех, где не нужно

было пересекать преследующее её нечто. Она боялась, что, попав в поток, снова окажется в узком тоннеле, где от неё чего-то ждут покойники.

– Вы всё ещё не видите того, что вижу я, да? – уточнила она у Олега, шмыгнув носом.

– Не вижу, – подтвердил он.

– Мне бы хотелось, чтобы вы видели.

– Нет, вы просто думаете, что хотели бы, но на самом деле боитесь, что, увидев это, я скажу вам что-нибудь плохое. А я обязательно скажу, потому что там, где дело касается мёртвых, хорошего не бывает. Это всегда плохо.

– Не вдохновляет, да, – согласилась Кира, зябко ёжась, хотя на улице было довольно душно, несмотря на отсутствие палящего солнца.

До ближайшего круглосуточного супермаркета им нужно было пройти два квартала. Город спал, лишь изредка мимо проезжали такси, везущие куда-то поздних пассажиров – это радовало, потому что Кира выглядела в высшей степени непрезентабельно. Она не стала переодеваться, просто накинула поверх того, что на ней было, доходящую почти до колен бесформенную хламиду, гордо именуемую сарафаном, и сунула ноги в резиновые шлёпанцы, поскольку натёртый днём большущий мозоль над пяткой исключал возможность надеть любимые кроссовки. Причесалась, но свисающие с головы влажные пряди в сочетании с нелепым, пусть и удобным, одеянием делали её похожей на бродяжку, которую только что вытащили из реки.

В другой ситуации Кире было бы наплевать на свой внешний вид, но теперь рядом с ней шёл, сунув руки в карманы, элегантный мужчина в белой рубашке и брюках с идеально отглаженными стрелками. Странно было осознавать, что возле него ей за себя стыдно.

– Кира, мне всё равно, как вы выглядите, – сообщил Олег, от которого прятать мысли было бесполезно.

– А мне нет, – проворчала она расстроено.

– Почему?

– Потому что это... Не знаю. Я вам не соответствую.

– А кто вам сказал, что вы должны кому-то или чему-то соответствовать?

– Просто в магазине сейчас мы будем выглядеть так, будто вы подобрали меня, несчастную, на улице, сжалились и решили накормить, – пояснила Кира.

– Вам никто не мешал одеться иначе, – констатировал он.

– Мне было лень.

– Ну тогда считайте ваши нынешние переживания возмездием за вашу же лень. Насколько я понял, у вас в характере создавать самой себе дискомфорт, а потом нервничать из-за этого.

– А у вас в характере всегда одеваться, как на праздник, – съязвила Кира в ответ немного обиженно.

– Это привычка, – Олег сделал вид, что не заметил её язвительного тона.

– Привычка?

– Именно так. Вы хотите, чтобы я рассказал вам о себе?

– Хочу.

Он улыбнулся и положил её руку себе на локоть, удовлетворённо отметив отсутствие сопротивления.

– Хорошо. Мне тридцать четыре года...

– Тридцать четыре? – удивилась Кира. – Я думала, что вы Коле ровесник.

– Потому что мы учились вместе? Нет. Николай, насколько я знаю, после девятого класса пошёл учиться в медицинский колледж, а оттуда сразу в институт. Ну а я после одиннадцатого ушёл в армию. Потом некоторое время работал в фирме отца и был вольным слушателем на психологическом факультете, но так получить доступ к нужной мне информации было невоз-

можно, и пришлось тоже учиться на врача. Ваш брат хотел быть врачом, а я нет. Кстати, докторскую он защитил блестяще, из него получился отличный молодой специалист.

– То есть, вы дипломированный врач, но по специальности не работаете?

– Не совсем по специальности. Я занимаюсь с детьми, у которых отклонения в развитии вызваны необычными причинами.

– Что-то вроде вымышленных друзей, которые не нравятся реальным родителям?

– И это тоже. Кира, вы... Можно я перейду на ты?

– Не стоит, – сразу же напряглась она, и Олег это почувствовал.

– Хорошо, оставим всё, как есть. Я хотел сказать, что вы попали в эту ситуацию неожиданно, и поэтому не можете принять её, как должное. Со мной всё иначе. У меня в роду все одарённые так или иначе. У отца не жилка предпринимательская, а дар. Он притягивает деньги и успех. У мамы волшебный голос. В прямом смысле этого слова. Она гипнозом обладает.

– Селекция нового вида с паранормальными способностями?

– Если вам удобнее воспринимать это так, то да. Это позволяет с раннего детства адаптировать особенных детей к жизни в обществе. Родители заранее знают, что их ребёнок родится одарённым. Они готовы к этому и знают, что с этим делать. Со мной с самого рождения были люди, знающие ответы. Дед по отцовской линии – целитель. Кстати, он доктор с учёной степенью. Бабушка видит биополе человека и умеет с ним работать. По маминой линии тоже у каждого свой дар. Мы разные. Что-то передаётся по наследству через несколько поколений, но чаще получается так, что способности потомков отличаются.

– Круто, наверное, жить в такой семье?

– Нормально. Это всё равно, что жить в семье музыкантов, писателей или художников. Вроде и обычные люди, но образ жизни немного другой.

– М-да, – вздохнула Кира. – Вам действительно проще. Будь рядом со мной кто-то, кто знал бы объяснение тому, что происходит...

– Но я же рядом, – он осторожно сжал её пальцы, чтобы подбодрить, но Кире это не понравилось, и она отстранилась от спутника, скрестив руки на груди.

– А что ещё вы умеете, кроме того, что лазите к людям в головы? – хмуро поинтересовалась девушка.

– Умею чувствовать настроение людей, их эмоции, но это сродни эмпатии. Так себе дар, он у многих есть. А ещё я медиум, но эту грань своих способностей использовать не люблю.

– Медиум? – Кира от удивления застыла на месте. – Вы можете общаться с покойниками?

– С душами умерших людей, – уточнил Олег, тоже остановившись.

– А почему вы только сейчас об этом сказали?

– Потому что вы только сейчас об этом спросили, – он подозрительно сощурился. – Вы сейчас думаете о своём отце. Кира, это как-то связано с тем, что произошло с вами сегодня?

– Я видела его.

– Где?

– В тёмном тоннеле, когда потеряла сознание на улице. Чей-то призрачный след проявился прямо там, где я сидела, и...

Дальше её слов Олег уже не слышал. Что-то прорвало ту преграду, которую Кира воздвигла в своём сознании, и новые образы из её памяти потоком хлынули в его мозг, складываясь из разрозненных картинок в чёткую последовательность событий. Она вспоминала и говорила, а он видел всё так, как видела и слышала это она – тёмный путь, тоннель с мертвецами, голос покойного отца, обещающий награду за её труды...

– Олег? – она дотронулась до его руки, и всё закончилось.

Он моргнул несколько раз, возвращаясь в реальность, и задумчиво нахмурился.

– Олег, что-то не так? – взволнованно прошептала девушка, заглядывая в его лицо.

– Я... Нет, всё в порядке. Просто на какое-то время вы открылись, и я кое-что понял из того, что увидел.

– Что вы поняли?

– Это не дар, Кира. Это долг.

– Какой ещё долг? – недоверчиво скривилась она.

– Сначала магазин, потом ужин, а потом вопросы и ответы, – отрезал Олег, чувствуя, что девушку распирает от любопытства и нетерпения, но не имея при этом намерения обсуждать подобное посреди улицы.

– А если сначала магазин, а потом вопросы и ответы, пока ужин будет готовиться? – предложила Кира альтернативный план действий на ночь.

– Идёт, – согласился он, взял её за руку и буквально потащил к супермаркету, который сиял ярко освещёнными витринами в десятке метров от того места, где они стояли.

Глава 6

Олег мог бы приготовить для неё роскошный ужин, но, во-первых, это заняло бы какое-то время, а во-вторых, отказавшись переходить на «ты», Кира чётко определила формат их общения. Романтика и знаки внимания в этот формат никак не вписывались, поэтому предпочтение было отдано готовой еде из кулинарного отдела – немного салатиков, мясо по-французски и целый килограмм абрикосов, пройти мимо которых девушка просто не смогла.

– Я их не люблю, но иногда бывает, что чего-нибудь хочется прямо до слёз, – пояснила Кира, набирая фрукты в пакетик. – И это... На кассе рассчитываться буду я. Мне не нравится быть должной.

На последнем слове она сделала ударение, и Олег усмехнулся, понимая, на что она намекает. Ещё он понимал, что до дома его подопечная не дотерпит, и ответы на её вопросы придётся давать прямо на ходу.

Он не стал протестовать, когда Кира рассчиталась за покупки, но почувствовал, что сумма её смутила. Видимо, финансовый вопрос всё-таки был для неё болезненным. А чему удивляться, если девчонка живёт одна, сама по себе и без какой-либо поддержки со стороны родственников?

– Так что вы там говорили про долг? – подтвердила она его догадку, стоило им оказаться на улице. Тянуть с ответом смысла не имело, поэтому Олег ответил сразу же.

– Насколько я могу судить, ваш отец заключил некую сделку с потусторонними силами. Я не знаю, с какой целью ему это понадобилось, но свои обязательства он выполнить не смог. Не выдержал. Теперь за него расплачивается вы.

– Очень круто! – фыркнула Кира. – Ну да, что-то такое он и говорил, когда я в обмороке была.

– Это был не обморок.

– Да? А что тогда?

– Кира, вы умерли.

Она остановилась и скептически приподняла брови.

– Шутите?

– Нет, – честно ответил Олег. – Для того, чтобы оказаться там, где вы были, обморока недостаточно. Это была клиническая смерть. Ваше сердце остановилось, но всего на минуту или даже меньше. Этого хватает, чтобы мир мёртвых прикоснулся к душе человека.

– Это потому, что я оказалась прямо там, где возник тёмный путь? Это он затянул меня туда, да? А потом меня перенесли, и я снова ожила, так что ли?

Она снова начала нервничать, и в её памяти одно за другим всплывали воспоминания о случившемся – остановка, женщина рядом, потом ветви дерева над головой.

– Вы нужны среди живых, Кира Юрьевна. То, что вас переместили, никак не связано с тем, что вы очнулись. Может, пойдём? А то мясо остынет.

– Но врачи «скорой» ничего про клиническую смерть не говорили, – девушка зашагала рядом с ним, продолжая на ходу вопросительно заглядывать в непроницаемое лицо спутника. – И тётка эта, которая вокруг меня бегала... Она же должна была понять, что я не просто сознание потеряла?

– Когда приехала бригада, вы уже были в сознании, Кира. Вам измерили давление, посчитали пульс...

– А, ну да, вы же видите это всё, – кивнула она.

– Вижу. И человек, который наблюдал за вами, сказал, что обморок длился всего пару минут. Я, если честно, поначалу тоже полагал, что это с вами случилось от жары и постоянного недоедания, но потом, когда понял, в чём дело...

– Я почему-то не хочу больше говорить об этом, – нахмурилась девушка.

– Просто вам страшно, и это нормально, – успокаивающе улыбнулся ей Олег. – Давайте сменим тему, пока вы не переварите эту информацию?

– Да, давайте. Расскажите мне о человеке, который за мной следил. Кто он?

– Мой друг. Однажды я помог ему, и теперь он полагает, что обязан рассчитаться за эту небольшую услугу. Его зовут Алексей. Упрямый болван вашего возраста.

– А что это была за услуга?

– Кира, это личное, извините.

– Ладно, – понимающе кивнула она. – И долго он с вами расплачивается?

– Второй год, – вздохнул Олег. – Мы договорились, что поездкой сюда он рассчитается за мою помощь окончательно. Мне самому неловко, честно. Парень вбил себе в голову, что должен чуть ли не прислуживать мне. С другой стороны, иногда очень полезно иметь под рукой человека, на которого можно положиться, и который добросовестно справляется с любыми поручениями. Не расскажете, зачем вы пошли на кладбище?

– Я давно там не была, – сразу же насупилась Кира.

– Знаете... Наше с вами общение похоже на игру в прятки. Обрывки информации, недоговорённости, загадки... Вы перескакиваете с одной темы на другую, но когда это пытаюсь сделать я, тут же замыкаетесь в себе. То начинаете откровенничать, то становитесь похожей на ёжика, который фыркает и выставляет вперёд иголки, чтобы защититься от опасности. Полагаю, вы сами для себя ещё не решили, нужна вам моя помощь или нет. К тому же, у вас совершенно несносный характер.

Наверное, на эти слова нужно было обидеться, но Кире почему-то ужасно захотелось оправдаться перед этим мужчиной. Она уже даже открыла рот, чтобы рассказать ему, почему и когда её характер стал таким скверным, но вдруг поняла, что это будет выглядеть так, будто она жалуется на свою несчастную жизнь. Жаловаться плохо и некрасиво, поэтому девушка просто замолчала, и остаток пути до её дома они проделали в тишине, нарушаемой лишь шумом изредка проезжающих мимо машин.

Ей и не нужно было ничего говорить – она думала о своём прошлом, и Олег прекрасно видел каждый всплывающий в её памяти образ. И остро чувствовал боль, которую причиняли ей эти воспоминания.

Кира всегда была одна в своём горе. Она не присутствовала на похоронах своих близких, потому что лежала в больнице, приходя в себя после пожара. Её никто не навещал, а медсёстры отказывались говорить о случившемся. О том, что вся семья погибла, девочка узнала от санитарки, которая рассказывала кому-то под дверью палаты, что «бедняжка отправится в детдом, потому что единственная родственница от неё отказалась». Другие сироты не стеснялись озвучивать, что из-за чокнутого алкаша-папаши Киру никогда не захотят взять в приёмную семью. Коля тоже бросил её, когда после колледжа уехал учиться в мединститут. Потом этот рыжий парень, о котором она старалась не думать... Полное одиночество – вот что заставило её стать такой, какой она была теперь. Всегда сама. Никому не нужная. Она просто боялась впустить в своё личное пространство кого-нибудь ещё, потому что думала, что это снова причинит ей боль. Боялась разочароваться. Боялась опять остаться одна.

Олег не хотел разрушать эту самозащиту, потому что знал, что ему тоже придётся бросить её. Не хотел причинять ей новую боль, но в то же время понимал, что иначе она не раскроется. Полное доверие, откровенность во всём – только так он мог помочь этой девушке, и от этого на душе было особенно гадко.

Войдя в открытую ею квартиру, он поставил пакеты с едой на стол в кухне, повернулся к хозяйке и честно посмотрел ей в глаза.

– Кира, я хочу, чтобы вы отдавали себе отчёт в том, что я уеду, когда мы решим вашу проблему.

– И? – она вопросительно приподняла бровь. – Пока я это не осознаю, ужина не будет? Зачем вы мне сейчас говорите об этом? Матримониальных планов в отношении вас у меня нет, на дружбу я тоже губу не раскатываю, так что давайте мыть руки, есть и обсуждать реальные проблемы, ладно? А то я уже начинаю хотеть спать.

И всё же его слова задели её за живое – Олег почувствовал, как она сжалась, будто от удара, но сразу же расслабилась, принимая это новое разочарование как нечто, само собой разумеющееся. Видимо, хотя бы на дружбу она всё же рассчитывала.

Пока Кира добросовестно и с аппетитом поглощала магазинную снедь, Олег настраивался на ход её размышлений, пытаясь понять, имеет смысл возвращаться к насущным проблемам сразу же или лучше оставить погружение в нереальность на завтра, когда девушка отдохнёт. Она думала обо всём понемногу, как и всегда – мысли перескакивали с одного на другое, и понять, что её волнует в текущий момент, было невозможно.

– Знаете, на кладбище сегодня... Точнее, это было уже вчера... В общем, к могилам моих родственников приезжали какие-то люди, – сообщила вдруг Кира, когда он уже решил, что больше не хочет наблюдать за чехардой пляшущих в её голове мыслеобразов. – Покрасили оградки, поставили цветы... Девушка из ритуальных услуг сказала, что они издалека приехали. Мне кажется, что это какие-то родственники по папиной линии. Если вы медиум, то, наверное, можете как-то узнать, что стало с папиными родителями?

– А традиционный способ получения информации уже не котируется? – удивился Олег.

– Это какой? Если вы говорите про частных сыщиков, то я уже одного нанимала. Год назад. Он несколько месяцев тянул из меня деньги, создавая видимость работы, а потом сообщил, что информация об этих людях просто не существует. Но так ведь не бывает, да? Они жили, работали где-то, у них дети были...

– А что вы вообще о них знаете? – хитро сощурился Олег, довольный тем, что неожиданно нащупал точку соприкосновения, которая могла бы стать компромиссом в их взаимодействии друг с другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.